

Самое совершенное учение?

Четверо юношей на мгновение задумались. Каждый уже обдумал прочитанное и был уверен в своей правоте. Вскоре они, перебивая друг друга, начали высказывать свои мнения.

— Править миром следует через гуманизм, — начал Сюй Лэшэн. — Когда правитель милосерден, а подданные верны, когда отец добр, а сын почтителен, Поднебесная становится единой семьёй. Лишь это путь к процветанию и спокойствию государства.

— Гуманизм имеет свои градации, — возразил Шань Бовэнь. — Если делить людей на близких и далёких, то чем это отличается от нынешней системы, где звание выдвигает на должности своих родичей, а чины распределяются по знатности? Всеобъемлющая же любовь не делает различий. Разве мир всеобщего равенства не лучше?

— Гуманизм — это река, имеющая исток, а всеобъемлющая любовь — дерево без корней, — ответил Сюй Лэшэн. — Предыдущий император продвигал правление, основанное на сыновней почтительности и неподкупности. Лишь почтительных и честных людей можно было выдвигать на государственные должности. Ты говоришь о всеобщей любви. Но если любить всех без разбора, то в их число попадут и отъявленные злодеи, и мелкие воришки. Неужели ты надеешься, что люди с нечистой совестью смогут управлять государством?

— Взаимная любовь приносит взаимную выгоду, — парировал Шань Бовэнь. — Невзирая на положение и ранг, нет ничего ценнее справедливости. Пока в людях жива человечность и совесть, пока они понимают, что выживают лишь те, кто полагается на общие усилия, а те, кто этого не делает, — нет, пока они едины духом, разве так трудно достичь всеобщей любви?

Сюй Лэшэн рассмеялся:

— Брат Шань, ты говоришь не о людях, а о живых буддах, исполненных сострадания.

— И гуманизм, и всеобъемлющая любовь бесполезны, — холодно бросил Гао Жун. — Что есть добро, и что есть зло? И кто это решает? Лишь служение закону, отказ от личных интересов и равенство перед ним — будь то принц или простолюдин — вот истинное правосудие.

— Согласен, — кивнул Ю Ло. — Если человек не подчиняется, его заставит закон. А если и закону не подчинится — заставим силой!

...

Шэнь Цинхэ позволил им спорить, наблюдая, как они препираются до хрипоты, так и не сумев убедить друг друга. В конце концов, они обратились к нему, чтобы узнать, чей же путь является совершенным.

Шэнь Цинхэ покачал головой.

Он специально подобрал для них блестящие философские труды «осевого времени». Для однобокой и радикальной культуры Великой Юн эти яркие плоды цивилизации должны были стать настоящим потрясением.

То, что они примкнули к одному из учений, было ожидаемо.

Но это был не тот результат, которого он хотел.

— Неужели мы ошиблись? — удивились ученики.

— Путь к знаниям труден, а жизнь выходцев из простого народа нелегка, — сказал Шэнь Цинхэ. — Я знаю, что вы сумели вырваться из нищеты и стать цзюйжэнями, превзойдя многих своих сверстников. Но, похоже, я вас переоценил.

— Я не знаток канонов и толкований, поэтому могу научить вас лишь чему-то иному. Когда «Чистое учение» было в моде, все книжники цеплялись за него, как утопающие за обломок мачты. Вы же вообразили, что сдвинули эту гору, что вы одни прозрели, пока все остальные пребывали в опьянении. А теперь вас придавила новая гора. Когда я принимал вас после экзамена по политическим эссе, я сделал это потому, что вы казались мне «вольнодумцами». Сейчас же вы меня глубоко разочаровали.

— Учитель Шэнь, что вы имеете в виду? — спросили они. Они искренне верили, что эти учения могут спасти мир.

— Вы и вправду думаете, что этого достаточно, чтобы проявить себя? — спросил Шэнь Цинхэ.
— Когда вы отвергаете инакомыслящих, чтобы защитить избранное вами учение, чем вы отличаетесь от клана Юэ?

Это были очень суровые слова. Юноши не могли не возразить:

— Разумеется, мы отличаемся! Если у нас появится возможность, мы непременно будем служить Поднебесной и не станем использовать власть в личных целях, чтобы угнетать народ!

— Сейчас вы можете это обещать. А сможете ли через десять лет? А если однажды вознесётесь до самых вершин власти, сможете ли тогда? — ответил Шэнь Цинхэ. — Раз нет уверенности, не стоит давать пустых обещаний. Предок клана Юэ тоже говорил о чистоте помыслов и скромности желаний. Посмотрите на тех, кто превозносит его идеи в последующих поколениях, — разве их руки чисты?

— Учитель, — не понял Шань Бовэнь, — но если нет ясного закона, то как управлять государством?

— Принимать всё, подобно морю, в которое впадают сотни рек, — произнёс Шэнь Цинхэ. — В учении нет единого пути. Гора Тай не гнушается ни одним комком земли, а реки и моря не отвергают и малых ручьёв. Сотни рек из разных источников сливаются в море, так и сотни различных учений служат одной цели — правлению. В Цинбэе нет места условностям. Любая идея, если она разумна и действенна, заслуживает усердного изучения, даже если это «Чистое учение».

В учёном мире, будь то частное обучение или поступление в академию, преданность одному учению была негласным правилом. Тех, кто осмеливался смешивать разные школы, изгоняли и предавали всеобщему порицанию. А тут — принимать всё!

Четверо юношей были глубоко потрясены. Они встали и поклонились:

— Ученики приняли ваш урок.

Шэнь Цинхэ знал, что укоренившиеся взгляды не изменить за один день. Чтобы возродить эпоху «ста школ», придётся действовать постепенно.

— Но если так, — не понял Ю Ло, — зачем учитель тогда подшутил над нами и наблюдал, как мы мучаемся?

— Хм, — холодно усмехнулся Шэнь Цинхэ.

У всех четверых возникло дурное предчувствие.

— Это второе, о чём я хотел сказать. В мире нет ничего совершенного, и сама идея совершенного учения абсурдна. Вы предпочли сцепиться в яростном споре, но не осмелились усомниться в моих словах. Я помню, в первый день в академии вы не были такими послушными. Куда делся тот дух сомнения? Почему теперь вы принимаете мои слова за непреложную истину?

— Вы хотели проявить уважение к учителю и не смели возражать? Или решили, что раз я из знатной семьи, то мои знания обширны и слова не подлежат сомнению? Или же подумали, что я ваш учитель, и, потакая мне, вы не ошибётесь?

— Неужели мои книги — яд, что вы, чем больше читаете, тем больше деградируете?

Слова Шэнь Цинхэ были холодны и резки.

Юношам стало невыносимо стыдно.

— «Ученик не обязательно уступает учителю, а учитель не обязательно мудрее ученика. Один раньше познал Путь, другой — позже, и у каждого своя область знаний, вот и всё».

— Впредь не смейте повторять этой ошибки.

Четверо юношей понуро опустили головы. Атмосфера стала гнетущей.

Шэнь Цинхэ кашлянул и смягчил тон:

— Ладно, ладно, что за трагедия, чего носы повесили? Учитель не очень доволен вашими сегодняшними успехами, так что в наказание все отправляйтесь бегать круги. Вы последние дни только и делали, что читали, самое время размять кости.

Настроение учителя менялось со скоростью ветра. Не успели ученики опомниться, как их уже выпроводили из класса.

На улице дул приятный осенний ветерок, и солнце светило в самый раз. Шэнь Цинхэ велел им бегать вокруг двора. Юноши не были изнеженными белоручками, так что после нескольких кругов они лишь немного запыхались. А вот Шэнь Цинхэ, бежавший за ними, едва переводил дух, и его бледное лицо покраснело, как будто его ошпарили.

— А учитель-то у нас не в лучшей физической форме, — поддразнил его Сюй Лэшэн, пробегая мимо.

— Эй, эй, — крикнул им вслед Шэнь Цинхэ, — не могли бы вы помедленнее, подождать учителя! Где ваше уважение к старшим?

Впереди раздался дружный смех, и они побежали ещё быстрее.

После обеда Шэнь Цинхэ усадил учеников в повозку, запряжённую волом, и отвёз их на заброшенное поле за академией.

— Учитель, зачем вы привезли нас сюда? — спросил Шань Бовэнь, почёсывая затылок и оглядывая несколько акров запущенной земли.

Учитель часто выбирал необычные подходы, рассказывая странные, но интересные вещи, которые было увлекательно слушать и изучать. Поэтому, даже оказавшись посреди поля, они не слишком удивились.

— Изучать «науку», — ответил Шэнь Цинхэ.

— Науку? — с любопытством переспросили ученики. — Что это за учение?

— Иероглиф «кэ» (𠄎) состоит из ключей «хэ» (𠄎), означающего «злаки», и «доу» (𠄎), обозначающего меру, — пояснил Шэнь Цинхэ. — Это великая наука, и начнём мы её изучение с земледелия.

— Учитель, в этом деле я точно разбираюсь лучше вас, — махнул рукой Ю Ло. Не то чтобы он недооценивал учителя, но представители знатных родов всегда были далеки от физического труда и не отличали зёрна от плевел. Судя по изнеженному виду господина Шэня, он, вероятно, и на земле-то никогда не работал. В земледелии он точно разобрался лучше учителя!

— Моя семья из поколения в поколение занималась земледелием, — поддержал его Шань Бовэнь. — В таких семьях, как наша, передают знания и через труд, и через книги. В страду мы работаем в поле, а в межсезонье — читаем. Я с трёх лет помогаю семье на земле.

— О? — Шэнь Цинхэ повернулся к ним. — Область Чан всегда славилась как житница, урожайность с одного му там всегда была самой высокой в Великой Юн. Следуя вашей логике, все её жители должны быть экспертами в земледелии. Почему же тогда на плодородных землях, которые возделывали годами, урожайность сейчас не превышает двух-трёх доу с му?

— Годы, когда погода благоволит и можно спокойно работать, редки. В этом году, должно быть, случилось бедствие.

— Тогда я спрошу тебя, — продолжил Шэнь Цинхэ, — если появятся вредители или болезни, знаешь ли ты, как с ними бороться? Почему на юге рис даёт обильный урожай, а просо — нет? Если земля истощена, как повысить её плодородие? Почему на юге от Хуай растут апельсины, а на севере — понцирусы? Как обеспечить правильный водный баланс? Существуют ли более эффективные методы, чем подсеčno-огневое земледелие и мотыжное возделывание?

Шэнь Цинхэ засыпал их вопросами, от которых у юношей закружилась голова. Шань Бовэнь, напряжённо размышляя, смог ответить лишь на некоторые, основываясь на своём опыте, но не мог объяснить причин.

— Учитель знает ответы?

— Это будет зависеть от того, насколько хорошо вы освоите науку.

Шэнь Цинхэ коснулся носком сапога земли под ногами. Селекция зерновых положила начало биологии, измерение земель дало толчок математике, проектирование сельскохозяйственных орудий содержало в себе основы механики, определение времени для полевых работ открыло

путь к астрономии, а торговля продуктами в конечном итоге породила экономику. Можно сказать, что наука началась с этого простого занятия — земледелия.

— Всё ещё считаешь, что умеешь возделывать землю?

Лица обоих юношей покраснели, но они не чувствовали стыда. Если действительно существовали решения этих проблем, это было бы великим благом для всего народа!

Они непременно должны усердно изучать науку!

Видя, что ему удалось пробудить в них энтузиазм, Шэнь Цинхэ позвал Систему.

На меже появился мальчик с золотыми волосами и золотыми глазами, одетый в длинный халат гусяно-жёлтого цвета. Издалека он походил на маленькую золотую статуэтку.

— Учитель Си пришёл! — радостно закричали ученики, в шутку называя его учителем.

Учитель Си, заложив руки за спину, прошёл несколько шагов, но внезапно споткнулся о камень на заброшенном поле и рухнул лицом в землю.

— Учитель Си упал! — вскрикнули четверо юношей и, подхватившись, бросились к нему, чтобы помочь подняться.

Шэнь Цинхэ приложил руку ко лбу. «Что-то он не выглядит надёжным».

Система, поддерживаемая с обеих сторон, подошла к нему, двигаясь как заводная кукла.

— Кажется, твои конечности ещё не до конца освоились, — сказал Шэнь Цинхэ, скрестив руки на груди.

— Давно не выходил, немного забыл, как ходить, — ответила Система. Её лоб и щёки покраснели от падения.

— Я арендовал этот участок земли, — объявил Шэнь Цинхэ. — Он разделён на четыре части: южную, северную, западную и восточную. Каждому из вас достанется по одной. Я найму людей для основной работы, но управление и ведение хозяйства полностью ложится на вас. В конце курса мы посмотрим, у кого урожай будет лучше. Тот и получит высший балл по этому предмету.

— Учитель Си, вы будете их обучать, — Шэнь Цинхэ посмотрел на золотого мальчика. — Смотри, не подведи.

Терраса Цинлань в Яньлине.

Золотые сёдла, украшенные зелёным шёлком, нефритовые подвески на уздечках, бамбуковые ветви, увешанные нефритом, и родники, пробитые в скалах. На небе одиноко висела луна, а на террасе было тепло и оживлённо, как весенним днём при дворе.

Ходили слухи, что на содержание этого места уходит половина богатств города, и что оно превосходит роскошью даже императорские загородные резиденции.

— Брат, я снова проиграл, — сказал Юэ Инь, потирая голову. — Какой толк в этих шахматах?

Три партии — и все проиграны! Я играю каждый день, но не чувствую никакого прогресса. Уж лучше бы я пару приёмов с копьём отработал, толку было бы больше.

— Не зря Пинчжи говорил мне, что ты слишком непоседлив. Тебе нужно поумерить свой пыл, — ответил Юэ Цзи, одной рукой держа фигуру, а другой — пролистывая книгу.

— Этот Лю Сянлинь ещё смеет говорить обо мне за спиной? В следующий раз, как увижу, я ему покажу, — Юэ Инь бросил чёрные камни в чашу. Его брови сошлись, а во взгляде появилась такая мощь, что на него было страшно смотреть.

Юэ Цзи бросил на него один взгляд, и высокий, крепкий юноша тут же сник, сел на место и покорно продолжил партию.

Юэ Цзи сделал ещё один ход. На доске сложилась ситуация окружения, белые явно побеждали.

— Цзыюань, ты невнимателен, — поднял он голову. — Играешь хуже, чем в первой партии.

— Это потому, что брат слишком силён, — заискивающе ответил Юэ Инь. — Никто в мире не может с тобой сравниться. Пожалуйста,пусти меня.

— Убирай, — со вздохом сдался Юэ Цзи.

— Есть! — обрадовался Юэ Инь и принялся быстро собирать камни с доски.

— Ты говоришь, это написал новый таньхуа? — спросил Юэ Цзи, аккуратно положив прочитанное эссе на стол.

Юэ Цзе, сидевший на коленях сбоку и наблюдавший за игрой, кивнул.

— Шэнь Цинхэ? — переспросил Юэ Цзи. — Что-то не слышал о нём.

— Этот человек груб, невежественен и бесстыден, — нахмурился Юэ Цзе. — Он — никто, поэтому господин Цзи, естественно, не мог о нём слышать.

— Никогда не видел, чтобы ты так кого-то ненавидел. Это даже забавно, — брови Юэ Цзи расслабились. — Я ещё не поздравил тебя с первым местом. — Он пододвинул к Юэ Цзе шкатулку из сандалового дерева. — Это редкая рукопись отшельника Шаньиня. Слышал, ты давно её искал. Считаю это моим подарком. Впредь, служба в столице, будь осторожен.

Юэ Цзе взял шкатулку, и на его лице отразилась радость.

— Благодарю, двоюродный брат! — он сжал шкатулку в руках и нерешительно добавил: — Моя победа — ничто. Если бы брат участвовал в экзаменах, ты бы стал ярчайшей луной столицы, и никто не смог бы с тобой сравниться.

— У меня иные цели, — махнул рукой Юэ Цзи. — К тому же, отец говорит, что мой характер ещё не устоялся и время не пришло.

— Что до этого таньхуа Шэня, человек он, похоже, интересный. Цзыюань, возможно, вы бы с ним ладили.

Юэ Инь, положив последний камень в чашу, поднял голову:

— Брат, я в последнее время очень занят. Ты то заставляешь меня оттачивать характер, то предлагаешь общаться с какими-то проходимцами. Где мне взять на это время?

— Хитроумные расчёты до добра не доводят.

Юэ Цзи протянул руку, взял со стола эссе и бросил его в золотую жаровню.

— Давно я не был в столице. Должно быть, там всё изменилось, появились новые интересные личности.

Юэ Цзи опёрся на подлокотник и со скукой посмотрел на ясную луну и лёгкий ветерок за окном.

— А мне захотелось вернуться и взглянуть на всё это.

<http://bllate.org/book/13438/1196504>